

КОНЦЕПЦИЯ УНИТАРНОГО УРБАНИЗМА В ПСИХОГЕОГРАФИИ ГИ ДЕБОРА

А. Я. Сарна

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
ул. Кальварийская 9, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: alsar.05@mail.ru

В статье осуществляется реконструкция основных положений концепции унитарного урбанизма французского неомарксиста Ги-Эрнеста Дебора и их критическое осмысление в контексте развития современных представлений о возможностях перспективного планирования и качественного улучшения городской среды.

Ключевые слова: психогеография; унитарный урбанизм; теория дрейфа; городская среда.

THE CONCEPT OF UNITARY URBANISM IN THE PSYCHOGEOGRAPHY OF GUY DEBORD

A. J. Sarna

Belarusian State University,
Faculty of Philosophy and Social Science,
Kalvariskaja Str. 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: alsar.05@mail.ru

The article reconstructs the main provisions of the concept of unitary urbanism of French neo-Marxist Guy-Ernest Debord and their critical comprehension in the context of the development of modern ideas about the possibilities of long-term planning and a qualitative improvement of the urban environment.

Keywords: psychogeography; unitary urbanism; drift theory; urban environment.

Одним из наиболее значительных представителей французской критической философии второй половины XX века считается писатель, кинорежиссер и общественный активист Ги-Эрнест Дебор (1931-1994), творчество которого наметило возможность перехода от неомарксизма к постмарксизму. Он стал основоположником весьма влиятельного в рамках левого движения Ситуационистского интернационала, а созданная им концепция «унитарного урбанизма» претендовала на разработку и активное использование эстетических техник и политических практик в качестве средств, содействующих формированию и всестороннему развитию городской среды.

Как отмечают исследователи, французскому мыслителю вместе с единомышленниками удалось разработать оригинальную, созвучную поискам современной урбанистики программу, которая остается достаточно актуальной и сегодня. Эта программа была изложена в «Отчете

о конструировании ситуаций и об условиях организации и деятельности интернациональной ситуационистской фракции» 1957 года и позднее выступила основой манифеста образованного в том же году Ситуационистского интернационала. «Ее основные термины пронизаны духом дематериализации: это *психогеография* – переосмысление общего представления о городе, исходя из того, что его составляют принципиально временные, изменчивые, перетекающие друг в друга *атмосферы*, порождаемые взаимодействием всех элементов городской среды и чувств живущих в ней людей; *дрейф* – практика обнаружения этих атмосфер, прокладки новых *маршрутов* по воле чувств и желаний дрейфующих, а также фиксации этих маршрутов в новой *картографии*; конструирование или строительство *ситуаций* (...) – временных и изменчивых, подобно атмосферам, но гораздо более емких, чем прежде, зданий новой архитектуры, возводимых из столь же новых материалов – желаний и чувств» [1, с. 6-7].

При этом понятие «психогеографии», по мнению Дебора, не вступает в противоречие с материалистическим учением о том, что жизнь и мышление обусловлены объективной реальностью. Ведь география описывает общее воздействие природных сил (состава почвы, климатических зон, рельефа местности и пр.) на экономические формации общества, определяя тем самым и его представления о мире. И тогда психогеография может заняться изучением законов сознательно организованной или исторически сложившейся географической среды с точки зрения ее непосредственного воздействия на аффективное поведение индивидов.

Как подчеркивал сам Дебор, главная идея ситуационистов может быть интерпретирована как «конструирование ситуаций» для создания моментальных жизненных атмосфер и их воплощение в высшее чувственное качество. «Мы должны систематически вмешиваться в жизнь, используя комплексный потенциал двух постоянно взаимодействующих элементов: материальных декораций жизни и поведенческих актов, которые обусловлены этими декорациями и направлены на их трансформацию» [1, с. 75].

Практическая реализация концептуальных положений унитарного урбанизма предполагала возможность активного вторжения, эстетически и социально значимой интервенции в городскую среду и ее творческое преобразование – не только в процессе локальных изменений на улицах и площадях в радиусе нескольких метров, но и при разделении города на зоны с разным психическим климатом, чтобы обозначить «очарование или мерзость определенных мест». Ментальные образы городских территорий обычно складываются у жителей и путешественников в виде неких предрассудков и стереотипов, которые ситуационисты предлагали подвергнуть тщательному исследованию и анализу, что позволит критически пересмотреть сложившуюся систему территориального

зонирования, распределения ресурсов, регулирования людских и транспортных потоков.

«Простейшая демистифицирующая разведка показывает, что количественное или качественное различие между кварталами города по характеру их воздействия не может быть полностью объяснено эпохой, архитектурным стилем или, тем более, условиями жизни. Исследования, которым следует подвергнуть взаиморасположение элементов городской среды в связи с теми ощущениями, которые они вызывают, требуют смелых гипотез, постоянно корректируемых в свете опыта, критики и самокритики» [1, с. 15-16].

Отталкиваясь от обличительного пафоса марксистской программы, получившей свое продолжение в неомарксизме, Ги Дебор, тем не менее, признает значительный прогресс, достигнутый к середине прошлого века промышленным капитализмом в производстве необходимых для жизни современного человека материальных и духовных благ. Особенно это следует признать применительно к организации городской повседневности, быту и труду горожан, их благосостоянию и потреблению. Единственная возможность противостоять господству буржуазной идеологии в такой ситуации – это попытаться перехватить инициативу в освоении и использовании постоянно расширяющегося спектра новых технических возможностей, прежде всего – в области массовых коммуникаций. Для этого необходимо обращаться к последним достижениям в сфере звукозаписи, фотографии и кинематографа.

Среди более сложных и комплексно влияющих на ситуацию средств Дебор называет и обновленную картографию. «Составление психогеографических карт или даже различные трюки вроде сколь угодно малообоснованного или вообще произвольного наложения друг на друга двух топографических порядков могут способствовать прояснению некоторых перемещений – разумеется, неслучайных, но абсолютно *непокорных* обычаям (каковые в целом можно отнести к разряду туризма)» [1, с. 17]. Альтернативным способом освоения городского пространства становится непрерывно реализуемая практика дрейфа. Дрейф представляет собой один из главных ситуационистских методов, который можно определить как технику прохождения через различные «слои», неравномерно распределенные в городской среде. Понятие дрейфа неразрывно связано с осознанием явлений психогеографического характера и с разработкой созидательно-игрового поведения, которое противопоставляется традиционным представлениям о путешествии и прогулке.

«Тот или те, кто пускается в дрейф, на более или менее продолжительное время порывают с общепринятыми мотивами к перемещению и действию, а также со своими обычными контактами, с трудом и досугом, чтобы повиноваться импульсам территории и случающихся на ней встреч. Элемент непредсказуемости играет здесь не

столь решающую роль, как может показаться: с точки зрения дрейфа, каждый город имеет свой психогеографический рельеф с постоянными течениями, неподвижными точками и водоворотами, затрудняющими доступ в некоторые зоны или выход из них. В целом дрейф представляет собой свободное движение в сочетании с его необходимой противоположностью – управлением психогеографической динамикой за счет осознания и учета предоставляемых ею возможностей» [1, с. 20].

Начиная с 1980-х годов, ситуационистские идеи стали популярны в богемных кругах Великобритании и США, в СССР их практиковали Андрей Монастырский и арт-группа «Коллективные действия» из Московской школы концептуализма, а в 2004 году петербургская группировка «Что делать?» провела психогеографическое «исследование» Нарвской Заставы. Спонтанные и достаточно непредсказуемые блуждания по городу – наиболее популярная сейчас форма применения психогеографии, которая помогает осознать, как городское пространство влияет на сознание человека.

Такая практика продолжает свое развитие в активизме молодежных групп, занимающихся экстремальным освоением городской среды. Наиболее известными из этих видов досуга становятся *паркур* – преодоление препятствий при скоростном перемещении там, где вроде бы для этого никаких возможностей нет, включая прыжки с этажа на этаж или с крыши на крышу соседнего здания. Крыши вообще становятся культовым местом для организации экскурсий и проведения свободного времени в рамках *руффинга*, а также *бейсджампинга* – прыжков с высотных зданий при помощи парашюта. Собственно посещение крыш также важно с точки зрения городской топографии, поскольку позволяет открывать новые перспективы в освоении городского пространства, придавая ему не только горизонтальное, но и вертикальное измерение.

Однако для понимания сущности дрейфа нет необходимости в столь экстремальном поведении – достаточно лишь отойти от обычных утилитарных или функциональных мотивов перемещения по городу, когда открывается возможность изменения его восприятия, а главными становятся особенности местности, неожиданные детали и встречи, которые могут случиться. Для этого Ги Дебор «разработал некоторый набор правил *исследования* города: испытать и зафиксировать какое-нибудь ощущение, собрать объективные и субъективные данные, разделить их со спутниками, сделать выводы. Впрочем, правила эти были не обязательными и легко менялись» [2].

Одна из идейных последовательниц Дебора Зофья Милетуска подчеркивала: «В первую очередь должно прийти осознание того, что городская среда представляет собой взаимосвязанный комплекс естественно проявляющегося *коллективного* творчества, способного на освобождение от культурного духа упадочничества, который опирается на главенствующий в наши дни индивидуализм. Второе – необходимость

использования новейших изобретений технического прогресса со знанием плана построения будущих конструкций – чрезвычайно гибких, умеющих реагировать на динамично подвижную концепцию жизни, ибо это означает создание собственного окружения в непосредственной зависимости от беспрестанно меняющихся моделей поведения индивидов» [4].

В свою очередь идея «реставрации», «возвращения» утерянного смысла городского пространства коррелирует с другой важнейшей идеей психогеографии – противодействия манипуляциям капитала не только с пространством, но и со временем, «наложенным» на устройство города и спроецированном на его карту. По мнению американского исследователя Маккензи Уорка, психогеографическая утопия заключалась в том, что в процессе своих «полевых исследований» превратив город в «игровое поле», ситуационисты старались уничтожить важнейшее для капитализма разделение времени на «труд» и «досуг» [5, р. 28]. Эта попытка отказаться от процедур разделения, иерархии и порядка предельно ясно демонстрирует «ультраромантический характер этого движения с его дифирамбами хаосу и беспорядку. Разделение города на районы, соответствующие разделению времени на «работу» и «досуг», должно быть уничтожено, считала команда Дебора, и «психогеографический дрейф» по урбанистическому океану – лучший инструмент этой истинно подрывной стратегии» [3].

Однако вовсе не пролетариат и не политическая партия, но только богема может уничтожить деление времени на «рабочее» и «свободное», поскольку и то, и другое для ситуационистов является «пустым»: «Время отдыха имеет такое же качество, как и рабочее время, скорее – имеет то же отсутствие качества. Досуг есть такое же надувательство, что и труд» [5, р. 89]. Тем самым, как подчеркивает К. Кобрин, «свободное использование времени» выступает как основной инструмент революционной практики, а психогеография – главный способ свободного использования времени [3].

Таким образом, разработанная Ги Дебором концепция «унитарного урбанизма» не ограничивалась лишь теорией психогеографии, но старалась охватить всю область создания и перенаправления [detournement] существующих практик архитектуры и градостроительства, а также поэзии и кинематографа. Это обстоятельство не только сделало учение ситуационистов весьма популярным в середине прошлого века, но сохраняет его значимость и в современных условиях.

Библиографические ссылки

1. Дебор, Г.-Э. Психогеография / Г.-Э. Дебор. – М., Ад Маргинем Пресс, 2017. – 112 с.
2. Дрейф в городе. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/620-dreyf-v-gorode/> (дата обращения 27.03.2018).
3. Кобрин, К.Р. Ситуации психогеографии. Заметки на полях книги Маккензи Уорка «The Beach Beneath the Street» / К.Р. Кобрин. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/kk4.html> (дата обращения 27.03.2018).

4. Милетуска, З. Иной город для иной жизни: унитарный урбанизм / З. Милетуска. – URL: <https://syg.ma/@corvum-nigrum/inoi-ghorod-dlia-inoi-zhizni-unitarnyi-urbanizm> (дата обращения 27.03.2018).
5. Wark M. The Beach Beneath the Street. The Everyday Life and Glorious Times of the Situationist International. London; New York: Verso, 2011. – 206 p.